

Валерий КОПНИНОВ

г. Барнаул

Стрелки показывали без четверти двенадцать. Но Пашка в обман не вдавался, он знал — настенные часы уже давненько не ходят. Случилась эта неприятность после того, как из них исчезли батарейки. А без батареек часы стали только с виду похожи на часы. И что тут поделаешь? Как исправишь? Были бы они ну хоть механические, что ли, чтобы ключиком заводились, а так...

В свои неполные семь лет Пашка сплошь и рядом проявлял себя мальчишкой сообразительным и, что немаловажно, самостоятельным. Вот и сейчас, в ситуации, когда какой-либо прибор, тоже показывающий время, в доме отсутствовал (микроволновка, ранее выручавшая своим таймером, испортилась и доживала свой век простым шкафчиком), Пашка догадался включить телевизор, по которому можно было при определённом терпении и внимательности как-то сориентироваться во времени.

Мама ушла, лишь только рассвело (часы и тогда вращались про двенадцать без четверти), и с нею, конечно, увязался дядя Серёжа, прозванный их соседями «приблуда», а мамой именуемый — Серёня.

Сам же дядя Серёжа называл себя маминым мужем, а от Пашки требовал величать его папой. Но Пашка знал, что его настоящий, хороший папа погиб.

— Мам, ты надолго? — крикнул Пашка в спину уходящей матери, выскочив вслед за ней босиком в холодные сени.

— Нет, сына, до соседей и обратно. С праздником поздравимся... Всего ничего, — ответила мама.

— Как только, так сразу... — пробурчал Серёня и следом матерно ругнулся, шарахаясь от рыкнувшего дворового пса Тарзана, сидевшего на цепи для охраны дома и, несмотря на задабривания в виде косточек и иных объедков, так и не принявшего Серёню за своего (как, впрочем, и других «жонихов» Пашкиной матери).

— Ма-а-м, — протянул Пашка, перебирая бо-

сыми ногами на студёном полу, — вы же вчера ходили весь день и пришли поздно...

— Я тебе из гостей чего-нибудь принесу... Жди! — подытожила мама.

Пашка подождал немного. Поскучал... Подождал ещё — и принялся за дело. Раз праздник, значит, в доме нужно сделать красиво. Тем более что не просто праздник — один из многих в календаре, а самый настоящий Новый год!

Для начала он принёс из сараюшки припасённые еловые ветки, выпрошенные у соседки тёти Зины Баранько. Тётя Зина с мужем дядей Костей третьего дня ставили в крестовину новогоднюю ёлочку и несколько нижних веток спилили. А Пашка оказался рядышком — катался на лыжах по огороду. Ему нравилось в хорошую погоду на стареньких лыжах, унаследованных им от старшей сестры, совершать небольшие круги от зарослей сирени у калитки до заснеженных кустов смородины возле колодца. Закругляя очередную петлю лыжни, Пашка через забор заметил, какое добро пропадает, и, подкрепив просьбу волшебным словом «пожалуйста», три веточки у тёти Зины получил.

Заглянув в тумбочку под телевизором, Пашка обнаружил знакомую ему небольшую картонную коробку, а в ней среди многочисленных цветных осколков немного целых ёлочных игрушек и путанку серебряной мишуры. Мальчик воткнул в литровую банку ветки, пустившие в комнате смолистый аромат, нацепил на них игрушки и обмотал мишурой. А оставшуюся мишуру прикрепил к ватным комочкам, намочил их и подбросил к потолку, где полоски мишуры, зацепившись мокрой ватой за штукатурку, красиво повисли, заиграли на свету матовыми искорками. Так делали продавщицы в гастрономе, в котором мама покупала продукты. Пашка увидел, запомнил, а теперь применил для дела.

Потом Пашка почитал немного... Вышел во двор, почистил снежок у крыльца и дорожку. Поиграл с Тарзаном... Зашёл в дом... Опять почитал, попил чаю со смородиновым вареньем (больше ничего съестного не обнаружил), ещё почитал...

Короткий зимний день заканчивался. На улице постепенно темнело, и серые сумерки заби-

рались в дом. Тусклые лампочки не очень-то радовали светом и даже, наоборот, поселили в доме тени от шкафа, стола и стульев. Пашка заскучал. Мама всё никак не возвращалась.

Тишина в пустом доме и даже в уголках обитаемой комнаты, где находился Пашка, красноречивым и многозначительным молчанием всё сильнее нагнетала в его одиночество дополнительные нотки страха. Почудились осторожные шаги на чердаке и шорохи где-то за плинтусом. Шальной порыв ветра хлопнул сорвавшейся с крючка ставней. По полу потянуло холодком. Пашка быстренько подтянул ноги под себя. Ему вдруг показалось, что из-под дивана вот-вот высунется неведомая рука, схватит его за щиколотку и потянет в подполье.

Что-то загудело в трубе, прокатилось сверху донизу и, метнувшись обратно, вылетело на улицу. Загремел цепью Тарзан, завыл и тут же смолк.

Пашка накрылся одеялом с головой, немножечко оттого, что стало страшно, и немножечко от холода — дом с утра был ещё не топлён.

Пригревшись, он и не заметил, как задремал, а когда проснулся, включил телевизор, чтобы понять, который час.

Попал Пашка в середину старого кино про развесёлых людей, встречающих Новый год, который они называли по-своему — Рождеством. Парни и девушки, все нарядно одетые, собирались в небольшие компании и ходили по улицам, от дома к дому, колядовали. И дворы, и пути, и крыши каждой хатки толстым слоем покрывало ватное одеяло голубоватого от сумерек снега. Тёплый свет из окошек, жёлтыми масляными пятнами оттеняющий белизну стен мазанок, издали приветствовал и зывал колядующих. Парень, шагающий первым, тащил большую звезду на шесте, другие гуляки расправляли здоровущие мешки и, заходя под окна соседей, громко пели, а те давали им всякую вкусную снедь и угощали питьём. В мешки так и сыпались караваи, баранки, сладости и даже жареные гуси целиком.

«Хорошие в кино соседи, — оценил Пашка увиденную по телевизору историю. — А вот Баранько... хоть сколько пой у них под окном — ничего не дадут да ещё погонят. Ветки еловые отдали, потому что всё равно выбрасывать».

Ну, конечно, не все соседи были такие, отзывчивые водились тоже. И у кого-то из них сейчас гостила мама Пашки, и Серёня с ней.

* * *

Лидия Андреевна, эта вот самая Пашкина мама, находилась не очень-то и далеко — через три дома, в избушке Подкользиных. Лидия Андреевна — это по паспорту. Но и здесь, и в домах других соседей Андреевну к её имени никто не добавлял, да и Лидией не величал никто. Лидка, Лидуха — и всё.

Гуляли у Подкользиных не первый день. Хозяева славились большой гостеприимностью, если кто со своей бутылочкой заглядывал да со своей закусью. И потом, разгулявшись, не могли остановиться неделю, а порою и подольше. Меняя изо дня в день путём естественного отбора состав выпивох, но сохраняя в активе основной, не успевающий трезветь костяк.

Лидуха очнулась на хозяйской кровати, можно сказать, одетая, лежащая на неразобранной постели поверх покрывала. Кофточка была расстёгнута напрочь, старенький бюстгальтер сдвинут на сторону, обнажая Лидухину грудь, сохранившую по некоей природной прихоти округлость формы, точно такую же, как в девичестве.

Рядом храпел какой-то мужик, вроде бы Серёнин приятель с завода. Имени мужика Лидуха не помнила.

«Он, что ли, меня расстегнул? — подумала Лидуха. — А где Серёня?»

Осмотрев себя и не обнаружив более никакого ущерба, Лидуха навела в одежде порядок и побрела на кухню, где находился эпицентр застолья.

«Надо же, — продолжала размышлять она, — лихо мне на старые дрожжи прилетело — не помню, как и отключилась... А где Серёня?»

Оказалось, что Серёня вместе с хозяином Юрчиком Подкользиным по прозвищу Бисер, приклеенным к нему за некоторое сходство с болгарским певцом Бисером Кировым, ушёл за пивом и не вернулся пока...

— Давай-ка, соседка, я тебя бражкой полечу, — предложила жена Бисера однорукая Надя, ещё школьницей потерявшая кисть на производственной практике. — Я тут от мужичков бражку заныкала!

— Давай, — согласилась Лидуха, — а то я что-то совсем стала: «всё, что было не со мной, — помню...»

Пока Надя цедила бражку через марлю, Лидуха подошла к окошку глянуть на улицу — чего там творится.

Ох ты ж напасть! В обрамлении морозных узоров из окна скалилась заросшая волосом рожа с расплюснутым о стекло носом на манер поросычьего пяточка. Лидуха закрыла глаза, потрясла головой и вновь посмотрела в окно. Рожа исчезла.

— ...И телик включи, — решив, что померещилось, крикнула Лидуха Наде, — может, концерт какой, Пугачиху покажут или ещё кого...

— Я Пугачиху не люблю, — забасил вдруг чей-то голос за спиной Лидухи.

— Кто тут? — в унисон вскрикнули бабы.

— Я это, я, Володя, — выходя из дальней комнаты, отвечал им мужик, которого Лидуха, проснувшись, обнаружила рядом с собой. — Сморило меня...О-о-о! Дайте бражки мне испить... Подкреплюсь да пойду ребят поищу... Бисера с Серёней...

Хозяйка зачерпнула из фляги. Володя дул бражку прямо из ковшика, вопросительно поглядывая на Лидуху, но так ничего и не спросил. Выдув ковшик браги до дна вместе с ягодами, Володя ушёл.

Надя включила телевизор. На полусферической плоскости постепенно нагревающегося кинескопа старенького «Горизонта» забегали фигурки жителей малоросской деревни, как поняла Лидуха, видимо, ещё давешних, царских времён. Местный кузнец — молодой и статный парень со стрижкой под горшок — уговаривался о чём-то с волосатым чертяком, имеющим свиноподобную харю, весьма похожую на ту, что Лидухе померещилась недавно в окне. Вроде договорились. А потом кузнец вдруг взял да и ухватил нечистого за хвост...

* * *

Только чёрта помяни — он тут как тут. Собственной персоной.

Нечистый любил появляться на этой улочке, обрамлённой домами частного сектора, упирающейся с одной стороны в лес, с другой — в заводской забор и носящей высокохудожественное имя Николая Васильевича Гоголя. Нечистый не был чужд литературе, особенно классике.

А ночь накануне Нового года, заменяющая атеистическому большинству Рождество, привлекала нечистого особо. В такую ночь морочить наивных людей, как говорится, сам бог велел. Ну, не Бог, конечно... Да что к словам придирается?

Разнокалиберные, в основном неказистые домики, построенные ещё в приснопамятные времена, раскладывали вокруг себя по периметру яркие пятна оконного света, вырисовывая плетение двойных рам на матовом с чёрными вкраплениями снегу, и цедили дым из труб прямым в рябое от звёзд по-зимнему низкое небо.

Даром что Сибирь: ни дать ни взять — гоголевская Диканька во всей исторической патриархальности.

Нечистый, вырядившись в вывернутый на левую сторону овчинный тулуп, побродил по улице Гоголя туда-сюда. Позаглядывал в окна — где и что...

Увидев одиноко сидящего над книжкой Пашку, нечистый не поленился, залез на крышу его дома, тряхнул пятернёй и, невесть откуда выудив специальную металлическую дудку, устрашающе подул в печную трубу.

— У-у-у ту-ту-у!..

Затем с удовлетворением понаблюдал за промежуточным похмельем Лидухи и Нади. Серёню и Бисера, набравших вместо пива портвейна, чуть не силком затолкал к Кулаковым, живущим в соседней от гастронома трёхэтажке, так же, как и Подколызины, привечающим гостей с принесённой выпивкой. Туда же поманил и Володю. И корысть нечистого в этом поступке просматривалась со всей очевидностью, потому что все попойки в квартире Кулаковых однозначно заканчивались мордобоем.

Но это всё выглядело мелкими пакостями для

разминки. Самое что ни на есть чертовское развлечение намечалось на разгар новогодней ночи — время, удобное для морока тем, что почти никто из населения спать не ложился, находясь в расслабленном благодушном состоянии.

Но для основной работы предстояло подготовиться как следует.

Нечистый с лёгкостью перемахнул через двухметровый заводской забор и направился в сторону котельной. Завод, когда-то в три смены выдававший на-гора агрегаты для сельхозмашин, переживая затянувшиеся надолго «нелучшие» времена, пребывал ныне в некотором запустении, но всё же ещё поддерживал остатки былой жизнедеятельности скупкой и переработкой металлолома. Поэтому, несмотря на праздник, литейный цех завода продолжал работать, обеспечивая бесперебойный цикл плавки. Из вентиляционных воздуховодов литейки пованивало калёным железом и нагретым песком. А для чертяки такой аромат нежней одеколona. Ибо преисподней родимой пахнет.

Нечистый несколько раз шумно, сквозь ноздри, втянул в себя технический воздух, подошёл вплотную к высокой кирпичной кладки трубе котельной и задрал голову вверх. Здорово! Труба высотой метров пятьдесят, не меньше. А что ещё нужно нормальному чёрту для спецобработки?

Нечистый вынул из кармана свежую газетку, аккуратно расстелил её на грязном снегу и, свернув вчетверо, пристроил на газетке полущубок. После крепко, по-мужски, взявшись за нижнюю скобу металлической лестницы, вмонтированной во внешнюю стенку трубы, как был в голом своём обличье начал, постукивая о ступеньки копытами, взбираться вверх.

Чем выше поднимался нечистый, тем крепче ветер трепал его стоящую дыбом шерсть на теле, спутавшиеся патлы на загривке и клочки меха в паху.

Чем выше, тем противней лепились ему в морду пучки прокопчённого дымком снега, забивающегося в нос и глаза.

Чем выше, тем надсаднее от напряжения ныли мышцы, вздымающие сильное тело по скользким и неудобным для копыт заржавленным скобам.

Но, с другой стороны, чем выше, тем сильнее

наполнялось чертовское сердце адреналином, тем громче пела его чёрная душа. И вот уже из недр её песня вырвалась наружу.

— Мы рождены, чтоб Кафку сделать быбью! — загудел нечистый, подкладывая под забавный девиз смутных лет, памятных и благотворных для чертовской деятельности, популярную некогда мелодию.

— Мы рождены, чтоб Кафку сделать быбью! — завёл нечистый по кругу свою странную песню, впрочем, не случайно употребляя имя хорошо известного ему писателя, прельщающего чертяку склонностью неумолимо констатировать абсурдность и безысходность жизни.

— Мы рождены, чтоб Кафку сделать быбью! — пел нечистый, подминая под себя скользкие от конденсата ступеньки и проворно карабкаясь наверх, к жерлу трубы, откуда, как из проснувшегося вулкана, курились клубы чёрного дыма.

Взобравшись, постоял немного на кирпичной кромке, держась за пику громоотвода, и, сложив над головой ладони, рыбкой нырнул в дымящее жерло.

Восторг! Целых пятьдесят метров свободно-го падения ощутил нечистый. Легко преодолевая сопротивление плотных дымных струй, он рухнул почти до самой утробы угольной котельной и остановил свой полёт перед пышущим навстречу жаром, заставившим даже дублёную чёртову кожу затрещать от немыслимых температур. Восторг!

А потом — вверх, закручивая послушное тело штопором с помощью сильного хвоста и в завершение пути с разгона выскакивая из трубы по пояс, чтобы охладить на ледяном ветру пропотевшую шкуру.

И — снова вниз, к жару колосников.

Вверх — вниз! Вверх — вниз!

Вверх... Всё, стоп! Пора за дело!

Весь чёрный от сажи, пропитанный дымом, изрыгающий приторный жар, нечистый был готов для подлых дел на все сто...

Он смотрел вниз на рабочую городскую окраину и предвкушал гадкие события сегодняшней ночи, которые, заглянув по возможности в каждый дом, не только мог, но и хотел устроить всем, кто попадётся на его пути.

* * *

В окошко на кухне тихо постучали. По тому, что Тарзан не залаял, Пашка сразу понял — это свои. Наверное, мама.

Пашка щёлкнул выключателем на кухне и в прямоугольнике упавшего на улицу света увидел стоящую под окном сестру Наташу.

Наташе год назад исполнилось восемнадцать лет. И как только наступило долгожданное совершеннолетие, Наташа ушла из дома жить к одному человеку, с которым у неё случилась любовь. Это всё, что знали о замужестве Наташи её домашние, потому что не пожелаала она знакомить избранника с матерью. Так уж сложилось... А вот Пашка по-прежнему оставался для Наташи «самым лучшим братиком на свете».

Пашка выскочил в сени открыть дверь и сразу попал в объятия сестры. Повиснув на ней, он через её плечо увидел, как Тарзан хрюкает кости, видимо, специально для него принесённые Наташей. Хвост собаки, летающий из стороны в сторону, красноречиво говорил о многом: о вкусе костей, о преданности хозяевам и просто о том, что жизнь, в принципе, штука неплохая, для тех, кто умеет терпеть и ждать.

Пашка очень любил сестру, и каждый её приход дарил ему какую-то особенную радость. Так они и зашли в дом: Наташа, подхватив брата в объятия, и Пашка, повиснув на шее у сестры.

— Пашенька, — заговорила Наташа, усаживаясь на стул и пристраивая мальчика на коленях, — я так соскучилась по тебе... А где мама? А где кто?

— Ну, мама с Серён... с дядей Серёжей ушли в гости, — по порядку событий начал отчитываться Пашка. — Я тут прибрался немножко... Нарядил ёлочку, телевизор посмотрел, почитал... Идём, покажу нашу ёлку!

— Сейчас, — севшим голосом отозвалась Наташа. — Ты голодный? Я тебя покормлю. Как холодно дома! Мама, что, не топила печь?! А почему не топили — угля снова нет?

— Угля я принёс вчера целое ведро... Мне тётя Аня с переезда разрешила у себя набрать. Уголь есть, только я печку топить пока не

умею... И дрова есть, немного... А мама не велит самому топить, говорит, хату нам спалишь...

Мимо их дома к заводу проходили железнодорожные пути. И у переезда стояла маленькая будочка, в которой тоже была печка. В этой будке сидел «путейский» сторож, закрывающий шлагбаум для машин, если на завод или, наоборот, с завода ехал поезд. Когда наступала смена маминой знакомой тёти Ани, можно было попросить немножко угля.

— Давай я затоплю, — решила Наташа, — и потом буду тебя кормить...

Минут через двадцать Пашка с аппетитом уминал принесённый сестрой в эмалированной чашке холодец и краем глаза косился на два небольших оранжевобоких апельсина.

Дрова в печке разгорелись и потрескивали. Огонь через трещины в плите гонял по стенам оранжевые, точно такие же, как апельсины, блики. Наташа, убрав несколько кружков с плиты, засыпала уголь и, когда пламя загудело, прикрыла трубу на три четверти.

Затем прошлась по комнатам с веником, собрав со стола, перемыла посуду и снова под села к Пашке.

От печки потянуло ощутимо плотным маревом тепла.

— Ну что, братик, наелся? Вкусно?

— Очень, — отозвался Пашка, соображая, можно ли уже есть апельсины или их стоит отложить ближе к Новому году.

— Сама готовила, — задумавшись о чём-то, медленно произнесла Наташа. — А что у вас со временем? Без четверти двенадцать... Часы не идут?

— Ага, стоят, — по-прежнему занятый обдумыванием планов на апельсины, рассеянно ответил Пашка. — Там батареек нет... Дядя Серёжа вроде бы забрал для фонарика дяде Юре.

— Дурдом не меняется... Да и с чего бы вдруг?! — зло констатировала Наташа и неожиданно предложила: — Слушай, Пашенька, а пойдём встречать Новый год к нам!

Брат было оживился, но быстро сник.

— Не-е, а как же мама? — возразил он. — Придёт, а меня нет... Будет волноваться...

— А мы записку напишем, — не унималась Наташа, — что ты у меня... Она и успокоится!

— Не-е, — продолжал сомневаться Пашка. — Она придёт... А я что? Расстроится. Лучше ты оставайся у нас. Теперь печка топится, скоро совсем тепло будет...

Перебив Пашку, замурлыкал в Наташиной шубке сотовый телефон. Кто-то мягко, но настойчиво требовал разговора и, не добившись ожидаемого ответа, деликатно смолк.

— Я не могу, Пашенька. Меня ждут... Он ждёт. Ладно, пойду я... Ты понимаешь, Пашенька, если я к нему не приду, к любимому человеку моему, то получается, я его брошу. А бросать человека одного нельзя! Понимаешь?

— Да, — ответил Пашка.

— Может, всё-таки со мной?

— Нет... Сама говоришь... Если я уйду, то, значит, маму брошу...

Наташа, не сдержавшись, всхлинула, порывисто прижала брата к себе, собралась торопливо и почти бегом вышла из дома.

Пашка выскочил в сени, закрыл за сестрой дверь и сразу же вернулся к апельсинам. Один он решил съесть завтра, а другой — прямо сейчас.

Пашка счистил кожуру и, положив всё: и апельсин, и очистки на блюдце, — некоторое время просто вдыхал аромат. Затем, разобрав апельсинку на дольки, принялся есть каждую в отдельности. Пашка знал, что самое невкусное в дольке, — это плёнка. А невкусное нужно есть первым, чтобы вкусное осталось напоследок. Пашка сначала сгрызал плёнку, а потом постепенно отделял зубами тонкие волокна, пока долька не кончалась. Затем делал недолгую паузу и принимался за следующую...

Когда Пашка доедал последнюю дольку, он уже точно знал, что второй апельсин не тронет. Он его оставит маме.

* * *

Дежурство, да ещё в праздник, вряд ли кому-то может доставить удовольствие. Но существуют такие профессии, когда приходится трудиться, невзирая на то, что все остальные граждане отдыхают. И большинство обладателей подобных профессий со своей долей давно смирились.

Касается это наблюдение и дежурных ангелов. И вот один из них, что немаловажно — по собственной инициативе, оказался в преддверии Нового года на окраинной улице небольшого города, названной, видимо из самых добрых побуждений, в честь Николая Васильевича Гоголя. На улице, жители которой уже на протяжении годков полутора, кроме всего прочего, славились дурным нравом в разных архивных записях Небесной канцелярии.

Кстати, и про самого автора «Ночи перед Рождеством» в своё время в Небесную канцелярию поступали, мягко говоря, довольно противоречивые сведения.

И посему находился ангел на этой улице инкогнито. Не для людей, конечно, а для коллег. Новый год — праздник светский, и по большому счёту присутствие ангела при событии такого уровня не требовалось.

Но именно этого ангела, по его беспримерной доброте, заинтересовал данный район. Потому как людей с улицы Гоголя, занесённых Небесной канцелярией в особые списки: «Неблагонадёжные рабы Божьи», ему захотелось понять и по возможности им помочь.

Для чинов Небесной канцелярии что важно? Констатировать факт, дать определение, используя готовый типический шаблон, и всё. Грешники — налево, праведники — направо! По порядку номеров, как говорится...

А ведь это важно понять: почему люди, сущие под единым Богом, то вдруг праведники, а то грешники. В чём сбой системы? А что если, пройдя многовековой путь со дня сотворения, человек изменился или, не приведи господи, мутировал?

И ангел решил узнать правду о человеке от самого человека. А что? Вполне мыслящее существо! И не только мыслящее, но и мысли свои излагающее.

Потому сначала ангел приступил к теории.

Наведываясь в земные библиотеки в обращённом виде, ангел читал всё, что могло дать ему ключ к разгадке человеческого феномена. Аристотеля и Плутарха, Гегеля и Канта, Фрейда и Фромма, Соловьёва и Бердяева. Уединяясь в дальних уголках Эдема под предлогом созерцания самого себя, вчитывался в «Дека-

мерон» Боккаччо. Обернув белой непрозрачной бумагой, дабы не узрел никто название труда, под видом богословской монографии штудировал «Бесы» Достоевского, и так далее и тому подобное...

Ното sapiens, по суммарному мнению сих учёных мужей, оказался сложен, противоречив и, что самое неприятное, непредсказуем в добре и зле.

Но именно эти качества человека манили ангела, побуждая от раза к разу погружаться в человеческое сообщество с желанием сеять разумное, доброе, вечное. И чем сложнее возникали задачи, тем более чувствовалась необходимость их решать...

Дежурный ангел шёл по заснеженной тропке, едва касаясь поверхности золотыми сандалиями, обутыми прямо на босу ногу. Его одежды контрастировали белизной со снегом, припудренным сажей, вылетающей вместе с дымом из заводской трубы и оседающей в радиусе нескольких километров. Крылья ангела, аккуратно сложенные за спиной, были готовы, расплостёршись над кем-либо, очистить избранника добротой и благодатью.

Домашние дымоходы мерно выпускали петляющий мелкими колечками печной дым, и оный стремился вверх, туда, где яркие крупные звёзды и наклонившийся месяц сияли как начищенные для праздника. И в целом это своей благой умиротворённостью напоминало кадры настоящей рождественской ночи всё из того же старого кинофильма, показанного нынче на голубых экранах телевизоров в рамках новогодней телепрограммы.

Первое, что сотворил ангел, — успокоил дерущихся возле дома Кулаковых Серёню и его дружка Володю и потоком сердечного тепла заставил их примириться.

Затем, почувствовав в одной из компаний мать, надолго бросившую своего ребёнка, направил её волю для скорого возвращения домой. Этой матерью, понятное дело, оказалась Лидуха, до сих пор не покинувшая гостеприимное жилище Подкозьиных.

И пошёл, и пошёл... От дома к дому.

Даже проходя мимо владений четы Баранько, над которым ангел ощутил недоброе свече-

ние, он послал его обитателям спокойный сон. Потому как вышеупомянутые супруги, даже забравшись в кровать, заснуть не могли, считая, что уходящий год не принёс им чего-то особенного, чего-то важного, ценного и, по не очень скромному мнению обоих Баранько, несомненно, ими заслуженного.

А потом ангел увидел, как Пашка лакомится апельсиновыми дольками, и постучал к нему в окно...

* * *

Пашка безропотно впустил в дом незнакомого, но такого приятного гостя, на которого собака не залаяла, а даже, наоборот, по-своему приветствовала его, усиленно виляя хвостом.

Конечно же, Пашка не догадывался, кто заглянул к нему на огонёк, но при этом не испугался ни капельку, ведь собака не впустила бы того, кто опасен. Да и от незнакомца веяло теплом и покоем. И самое главное, что за спиной у пришедшего находились такие же крылья, как у белого лебедя, виденного Пашкой в передвижном зоопарке.

— Паша, — заговорил ангел, усаживаясь вместе с мальчиком поближе к тёплой печке, — ты знаешь, что сегодня праздник?

— Знаю, — ответил Пашка, — я даже ёлочку нарядил — вот посмотрите...

— Неплохо, — похвалил ангел, — очень даже неплохо. Ты молодец! А хочешь, мы с тобой полетаем? Видишь — у меня крылья, я возьму тебя на руки, мы полетим и сверху будем смотреть на землю. А потом ты всё увиденное расскажешь маме...

У Пашки загорелись глаза, и он тут же побежал собираться, потому что от такого предложения не отказываются...

* * *

Лидуху потянуло было в сон, но явившаяся внезапно вначале совсем едва уловимая, а после с каждой секундой растущая мысль: «Домой — к сыну!» в буквальном смысле овладела

ею полностью, и, вместо того чтобы лечь где-нибудь прикорнуть, женщина вдруг засобира-лась домой.

— Лидка, ты куда? — спросила однорукая Надя. — Посиди ещё...

— Не могу, Надька, — суетилась Лидуха, — у меня же там Пашка весь день один... Что же я за мать такая? Ох, Надя, тошно мне от себя самой...

— Ну и зря ты, — отозвалась бездетная Надя, — и для себя пожить тоже надо...

— То-то и оно, что всё время для себя и для себя...

Собравшись, Лидуха вышла на улицу и, пошатываясь, побрела к дому. Когда она дошла до двора Баранько с эмалированной табличкой на заборе «Улица Н.В.Гоголя, 197а», из темноты выскочил мужик с головы до ног чёрный, словно трубочист, и, весело гаркнув: «Непорядочек, однако!», завертелся вокруг себя так, что поднял на воздух целое облако снега, обернувшееся настоящей метелью.

Белый свет померк в один миг, и Лидуха на ощупь пошла вдоль сугроба, намётанного у дорожки, потеряв ориентиры и забыв от неожиданности, в какую сторону она двигалась. Метель атаковала со всех направлений. Налетая сзади — сыпала снег за ворот, заходя спереди — хлестала по щекам, вырывала из-под платка волосы и забивала ими рот и глаза. Лидуха прислонилась к заборчику, спасительно выплывшему ей навстречу из белой круговерти, чтобы переждать и отдышаться. Чуть-чуть, минутку, только перевести дух и снова пробиваться к Пашке. Но стихия, сотворённая руками нечистого, ещё пуще взялась за неё: грубо лезла под подол платья, проникнув через рукава драпового ветхого пальтишка, холодными руками шарил по телу и лапала за грудь. И в конечном итоге, оторвав от заборчика, подталкивая в спину, погнала, вода кругами между сугробами.

Проплутав в снежной пелене не менее получаса, Лидуха снова оказалась у ворот Подколызиных, возле которых прямо из «горлышка в горлышко» вливал в себя остатки вина Серёня.

— О, Лидуха, — обрадовался Серёня, весело щуря на сожительницу отливающий лиловым с зеленью подбитый глаз, — на-ка, глотни из моих личных запасов.

Но единственное, о чём сейчас могла думать Лидуха, — это был Пашка. Хотя...

Метель донельзя измучила её беснованием своим, отняла последние силы. Размягчающие мысли потусторонне заворочались в голове, словно кто-то незнакомый рассуждал вслух.

А может быть, глоток сладкого портвейна явился бы для Лидухи действенным способом, чтобы преодолеть возникшие пустые хлопоты? И, может быть, часок-другой дружеского застолья в компании с весёлым беззаботным Серёней позволит взглянуть этой славной женщине на жизнь с большим оптимизмом?!

— Да я уж домой собралась...

— А чего ты там не видела? — не отставал Серёня. — Я вот тут, между прочим, честь твою женскую защищал. С Володькой подрался... Он сказал, говнюк такой, что ты, мол, на него пялилась и на всё готовая была. Ну, я ему и врезал в челюсть...

Серёня, ощутив кураж, продолжил дальше описывать свою доблесть, не обращая внимания на то, что Лидуха совсем не слушает его. Повинуясь какому-то безотчётному чувству, она посмотрела в небо, и ей показалось, что там, среди облаков, в руках у белоснежного ангела только что пролетел её Пашка.

— Да пошёл ты к чёрту! — отрезала Лидуха и снова отправилась домой.

Отойдя немного от калитки Подкользиных, она остановилась, чтобы растереть лицо снегом. Крахмально-хрустящий снежок освежал и бодрил, возвращая Лидухе относительно трезвое восприятие жизни.

Коротко оглянувшись на Серёню, Лидуха увидела, что рядом с ним стоит тот чернявый, вынырнувший из темноты, и, корча смешные рожи, мастерски открывает ещё одну бутылку портвейна.

Дальше Лидуха пошла не оглядываясь, только замедляя шаг иногда, чтобы на ходу наклониться, зачерпнуть горсточку снега и утолить жажду обезвоженного тела.

* * *

Какое чудесное зрелище представляет собой земля, встречающая Новый год! Дежурный ангел пронёс Пашку над обоими полушариями, показав ему уголки планеты, где уже засыпают и где ещё только-только встают. Где жгут праздничные факелы, а где пускают в небо салюты. И везде люди выглядели счастливыми.

Добрые руки ангела крепко держали Пашку, и он, испугавшись поначалу высоты, понемногу успокоился и даже иногда просил ангела подняться повыше — так ему становилось видно огромную часть земли, распростёртую между океанами, и это предоставляло редкую возможность разглядеть, как ночь переходит в утро.

И ещё Пашку удивило то, что, несмотря на владычество зимы, снег лежит не на всей поверхности земли и кое-где — тепло и зелено, совсем как летом.

А потом Пашка попросил ангела отнести его домой...

* * *

— Ты кто? — спросил Серёня неизвестно откуда появившегося смуглого до черноты мужика в старом овчинном тулупе наизнанку и с угодливо распечатанной «поллитрой».

— Не узнаёшь? — ответил нечистый. — Я же Варфоломей, родственник Кулаковых... дальний.

— Не ври, родственник, — засомневался Серёня, — у Кулаковых вся родня в рыжую масть...

— На, гляди! — нечистый тряхнул башкой, рассыпая вокруг себя сажу, и сунул Серёне под нос свою грязную макушку с копной спутанных волос неопределённого цвета. — Видишь, нет? Красным кирпичом отливает — это фамильное, кулаковское... А если не веришь, я тогда пошёл. Просто хотел сказать тебе, Серёжа... Угостить вот ещё хотел... Сергей... Как там тебя по отчеству?

— Да ладно, — смутился Серёня.

— Я тебя прошу, окажи честь...

— Ну, Викторович...

— Да не «ну Викторович», а Викторович! А я

так и думал, что Викторovich — то есть наследник победителя!

— Да чего уж там...

— Сергей Викторovich! Ты сегодня бился как тигр за честь дамы. Да ты — мужик! Ты — вымирающий вид. Сейчас все мямли... Типа интеллигенция вшивая...

— Ну, тут уж...

— Да не скромничай... Молоток, Сергей Викторovich! Только что же ты этого Володю не уделал, как следовало быть... Сопатку бы разбил, зубы выбил, по почкам бы, по печени...

— Ну уж это, пожалуй, лишнее... Из-за бабы-то?.. Да и нас мужик какой-то в белом разнял... Что, мол, не из-за чего... Так-то, вообще...

— А, ну да... Слушай, Серёжа, — взболтнув винтом зажатую в руке бутылку портвейна, предложил вдруг нечистый, — а спорим, что ты не сможешь зараз бутылку вина из горла употребить.

— Я? Не смогу? Спорим! Давай в дом зайдём... Мне чтоб закусить чем...

— Ага, в дом — там с Надькой придётся делиться!

— Точно... Я тогда сам метнусь по-тихому, у них в сенях сало на морозе... Только ты не уходи, как тебя там: Вас... Ван...

— Варфоломей я...

— Так ты будь здесь, Варфоломей!

— Да куда я денусь?! Буду, буду, — недобро усмехнулся нечистый вслед торопящемуся Серёне. — Я вам сегодня всем устрою Варфоломеевскую ночь! Ишь ты, сала захотел... Ха-ха-ха!

Не успел хохот нечистого отзвучать последней ноткой, как, скрипнув старенькими навесными петлями, из калитки Подкозьиных вынырнул Серёня.

— Слышь, Варфоломей, — пробормотал он, тяжело дыша от быстрого шага. — Надька, подлюка, дверь на крючок закрыла. Ну, давай я так...

— Давай, мужик, — подбодрил Серёню нечистый, ещё раз закрутив вино так, что из горлышка выпорхнул шлейф пламени, сопровождаемый резким запахом серы, а у самого чёрта под копытами снег проплавился аж до земли.

Серёня, зажав в одной руке бутылку, другой прихватив шапку и запрокинув голову, судорожно глотая, принялся цедить вино из бутыл-

ки. Находился он уже в достаточном опьянении, и портвейн как-то не бодро вливался в Серёнюно горло, но ударить в грязь лицом да и упустить бесплатную выпивку считалось делом невозможным. Серёнин кадык, отмеряя дозы, вмещающиеся в глоток, мерно работал, катаясь туда-сюда под кожей и понемногу замедляя свой челночный бег. В какой-то момент процесс почти встал, грозя возможным возвратом уже употреблённого портвейна в окружающую среду. Но Серёня справился, пролив, правда, некоторую часть вина мимо рта по подбородку, что в принципе являло допустимый процент потерь.

На мгновение Серёне стало до того худо, что он чуть было не рухнул мешком в снег, но затем по телу неожиданно пошло бодрящее тепло с покалывающим мышцы адреналином.

— Молоток, Серый! Матёрый ты парень, вот что я тебе скажу, — похвалил нечистый Серёню и мазнул ему ладонью по лицу, оставляя сажевый след пятерни на щеках. — Так, значит, мужик в белом вас разнял и сказал, что драться нет повода?

— Да! Вот козлиная...

— А ведь он прав! Всё верно... Башковитый мужик — знаю его! Да и мы с тобой не дураки! Так, Сергей Викторovich?

— Ну, ясен пень...

— И хорошо, что он пресёк вашу распрю! Но... зрить нужно в корень! В корень, говорю! — прибавив долю строгости в голосе, нечистый встряхнул за ворот потянувшегося за папироской Серёню. — Посуди сам! Вот мы, мужики, всегда бьёмся из-за баб: ломаем соперникам носы, крушим рёбра... чего там ещё?

— Шпагами это... на дуэлях...

— О-о-о! А они? Припудривают носик и отдаются победителю! А такими, как ты... да и я — пренебрегают. И кто они после этого, а, Сергей Викторovich?

— Кто? Да эти, как их, мать...

— Проститутки! Продажные твари, Серёжа...

— Точно! Ты прям в меня заглянул... Мной всегда пренебрегают... Я бы их всех...

— И пора! Долой на хрен войны, возникающие из-за женских прихотей...

— ...гнал бы поганой метлой!

— Метлой? Ха-ха-ха! Вот она — наша мужская

слабость! Наша ахиллесова пята! Кстати, тот же Ахиллес... ты, Серёга, на него похож, мать родная не отличит, такой же в точности классический мужик... Так вот он погиб от похотливости Елены Прекрасной. И ты по грани ходишь!

— Из-за суки этой?!

— Да! Сдохнешь, она и не почешется! Спрашивается, где справедливость, Серёжа?

— Где? — скрипнул зубами Серёня. — Нету?

— И не появится, пока мы не установим... Пока рогом не упрёмся! — боднул головой воздух нечистый. — Мы, мужики... Ты заподозрил друга, а знаешь ли ты простую истину: «Сучка не захочет — кобель не вскочит!»

— Точно, — откликнулся Серёня, наклоня голову по-бычьи. — Ты вот правильно... Она же меня за слабака держит!

— Друг — святое! А баба — это сосуд греховный, мерзкий... Твоя Лидуха во всём виновата — её и проучить следует... Давай, Сергей Викторович, ты же мужик...

— Вот оно как! Я — мужик!.. Мною пренебрегать?! Ну, шалава! — уже не сдерживал голос Серёня. — Шас я её разукрашу!

— Давай, давай, — подбадривал нечистый. — Будет она у тебя цветная и в фонарях, как гирлянда с ёлочки... И не жалей её, баб на наш век хватит!

— Будет она у меня... Порешу суку! — наливаясь яростью, заорал Серёня и, хватив пустой бутылкой по металлическому столбу, побежал за Лидухой, сжимая в кулаке бутылочное горлышко с торчащими острыми кусками стекла...

* * *

Лидуха неуверенно приближалась к дому, стыдясь, что, уходя утром, обманула Пашку, пообещав скоро вернуться.

И вот это чувство стыда, уже почти забытое Лидухой, удивляло её и радовало одновременно.

Удивляло оттого, что она была почти уверена — всё живое внутри у неё выгорело давно, сначала от горя, когда муж — отец Наташи и Пашки, погиб, бросившись в полынью за провалившимся под лёд чужим ребёнком, оставив при этом двух своих сиротами. А потом от водки, которой

Лидуха пыталась заглушить своё одиночество, стремясь по возможности забыться посреди своей неудавшейся жизни, поманившей счастьем и скоренко счастья этого лишившей.

А радовало тем, что подумалось ей вдруг: может, стоит попробовать ещё раз? Ну хотя бы ради Пашки. Почему нет? Она так виновата перед ним. Что она даёт ему? Ничего, так — кормит только. А ведь ему на следующий год в школу...

Потеряв, к несчастью, ставшую взрослой Наташу, быть может, навсегда отказавшуюся от неё дочь, Лидуха не хотела лишиться ещё и Пашки.

И надо же: всего лишь какая-то ещё не осмысленная Лидухой искорка, попав в её материнское сердце, затеплилась изнутри, и сердце начало оттаивать, жадно цепляясь за слабенькую, как прорастающее зёрнышко, надежду.

Всё, хватит! К чёрту пьянку, к чёрту Серёню, к чёрту...

Лидуха остановилась и уставилась в небо, надеясь снова пережить что-нибудь похожее на очаровательное наваждение, явившееся ей недавно в виде пролетающего ангела с ребёнком на руках. С её Пашкой.

Увидев Пашку на руках у ангела, Лидуха невольно вспомнила тот день, когда муж и маленькая дочка Наташа вместе с ним забирали её, счастливую, из роддома с совсем ещё крохотным, насытившимся материнским молоком и безмятежно спящим Пашкой. Как муж бережно принял сына из её рук...

По забору, переламываясь на щелях между досками, метнулась тень и замерла в двух шагах от Лидухи. Она опустила голову и наткнулась взглядом в налитые кровью, ненавидящие, словно бы незнакомые глаза Серёни. Он стоял напряжённейшим, заведя руки за спину, слизывая с губ выступившую пену.

— Ты... — начала говорить Лидуха и осеклась, получив удар кулаком прямо в губы.

Перед глазами будто вспыхнуло, рот наполнился солёным, и тут же, скорее почувствовав, чем увидев второй удар, Лидуха инстинктивно заслонилась рукой. Блеснуло бутылочное стекло и, взрезав старенький драп рукава, вырвало из пальто кусок ваты. Серёня махнул рукой в обратном направлении, стекло, пройдясь по открытой Лидухиной ладони, прочер-

тило по коже грубую полосу, быстро наполнившуюся кровью. Затем осколок бутылки, двигаясь по инерции, выскользнув из нетвёрдой Серёниной руки, прочертил дугу и, отрикошетив от забора, упал в рыхлый снег.

Лидуха закричала, рванулась и, обогнув Серёню, бросилась к дому. Серёня побежал за ней, догнал и на бегу начал колотить её по спине и голове без разбора. Лидуха упала в снег. Серёня, пнув её несколько раз под рёбра, дал подняться, побежать, затем снова догнал и сильными ударами сбил с ног. Ему явно доставляло удовольствие наблюдать, как она, корчась от боли, ползёт по снегу, оставляя кровавые отметины на белом.

Лихорадочно соображая, что избиение может продолжаться бесконечно, Лидуха попыталась выиграть немного времени и, когда Серёня в очередной раз позволил ей встать и побежать, дождавшись его преследования, резко остановилась и ударила летевшего на неё Серёню в лоб зажатой в кулаке связкой ключей.

Серёня, ошеломлённый от боли и неожиданности, резко сел на задницу, и, пока он тряс головой, приходя в себя, Лидуха изо всех оставшихся сил устремилась к дому.

* * *

Все знают назубок: возвращаться — плохая примета. И всё же дежурный ангел вынужден был вернуться с полдороги.

Предчувствие заставило. То самое — дурное, что словно метель в степи, заметающая следы путника, насквозь выдувает душу, гоня благочиние прочь...

Доставив засыпающего от обилия впечатлений и свежего воздуха Пашку домой, ангел убедился, что мама мальчика вышла от Подкользиных, и спокойно отправился восвояси, тем более что и дежурство его закончилось.

Ангел распротёр крылья, поймал восходящий воздушный поток, а когда почти что достиг небесных сфер, оглянулся...

И тут же полетел обратно.

Смутила его созданная, судя по всему, искусственным путём, метель, прямо в тех местах,

где он только что находился. А в такие совпадения ангел давно не верил.

Чем ближе становилась земля, тем сильнее улавливался запах серы, перебивая многочисленные дымы, курившиеся над домами, и смог от заводской трубы. И у ангела не было никакого сомнения в происхождении серного смрада. Он и опустил на твердь, коснувшись золотыми сандалиями утопанной снеговой дорожки, прямо за спиной козлоногого мужика в тулупе наизнанку.

— Уважаемый товарищ, — заговорил ангел, обращаясь к нечистому попросту, словно к встреченному в пути человеку, — вы не подскажите, что это за улица?

— Гоголя, — через плечо бросил нечистый, но тут же развернулся, невольной гримасой на лице выдавая откровенную неприязнь к собеседнику.

Некоторое время оба молчали: секунды или минуты — сказать сложно, время словно загустело между светлым ангелом и нечистым бесом. И постепенно молчание достигло такой плотности, что застывшие на лету мгновения коротко вспыхивали фосфорными искорками, лопааясь, как будто пузырьки воздуха в кипящей воде...

Первым заговорил нечистый, всё-таки взяв себя в руки и ослабившись демонстративной улыбкой.

— Ваше Святейшество или как там тебя называют на службе? Всегда поражался твоим способностям ходить неслышно по любой поверхности. Я сколько ни тренировался — ну никак... То половица скрипнет, то снег хрустнет, то ветка треснет... Вот бы что я перенял с великой охотой — твою бесшумную поступь!

— И не мечтай! С твоими-то копытами? Не ступать, а топать...

— Ну да, ну да... Зато я на ногу скор и не гнушаюсь по земельке, как ты небрежно выразился, «топать». С людишками рядом, по-свойски, можно сказать, не так, как некоторые, — всё с небес да с небес... Кстати, неплохое начало для детской считалки:

«Вот с небес спустился бес,
Без штанов в трубу залез...»

— Никчёмная считалка...

— Почему? Люди любят про меня говорить,

люди вообще в меня больше верят, чем в тебя... Не все, может быть, но вот эти, с улицы Гоголя, например, простые, не избалованные достатком и удачей, не знающие роскоши и комфорта... Не верящие не только в тебя, но и в себя, махнувшие на себя рукой и готовые отдать мне душу за возможность опохмелиться...

— Ложь! Даже в заблудшей душе есть место раскаянию и обретению Бога! Всякий человек ищет...

— И не всякий находит... А если не находит — он мой! Искушения ещё никто не отменял...

Ангел затвердел взглядом и невольно потянулся к своему поясу с левого бока. Правая рука его сжалась в кулак, округло охватив воздух. Нечистый понимал, что значит этот жест. Когда ангел является посланником Божьей кары — он опоясывается мечом, и сейчас, стоя перед наглым, издевающимся чёртом, ангельская рука подсознательно искала тот самый карающий меч.

И не находила...

— Изыди, сатана, — всё-таки сдержанно промолвил ангел и добавил уничтожительно: — изыди, черномазый.

— «Черномазый»? — засмеялся нечистый. — Нетолерантненько! А что на это ответят афроамериканцы? Шутка! Ха-ха-ха... Не поверишь, но я даже рад, что мы встретились. Дозволь-ка сказать комплимент... Ты не такой, как все! Я тебя уважаю... Да! Ты не гнушаешься ходить в народ... Я бы даже сказал: ты такой же, как я! Ты борешься за человека! Но даже ты скорее теоретик, чем практик! Ты погрузился в книжки, а ведь один-единственный день здесь, в гуще событий, стоит сотни, тысячи твоих умных книжек! И всё равно своей неугомонностью ты мне мешаешь. Напишу-ка я на тебя анонимный донос! Что ты тайком читаешь книжки непотребные и в неурочное время промеж людьми шастаешь, облегчая им тяготы земного пути. Ну, а дойдёт до Самого...

— Неужели ты и вправду думаешь, что я совершал те действия без Божьего благословения? Скажу больше — именно Господь надоумил меня изучить и суммировать весь опыт, приобретённый человеком в познании самого себя...

Женский крик, всплеснувшийся в темноте, заставил ангела прерваться.

— Твоих рук дело? — снова судорожно сжимаемая воображаемую рукоятку меча, воскликнул ангел. — Ну, не дай бог...

— А то чьё? — ухмыльнулся нечистый. — Трёх зайцев одновременно и наповал! Женщину — в могилу, мужчину — в тюрьму, ребёнка — в приют!

Ангел ударил по воздуху крыльями так сильно, что нечистый с трудом удержался на ногах.

— Вот все вы такие! — завопил нечистый вслед ангелу, устремившемуся на Лидухин крик.

— Любите разглагольствовать... Прилетел — так действуй! Меня-то вразумлять бесполезно... Ха-ха-ха-ха!

* * *

Пашка спал, сидя за столом, положив голову на руки. Включённый телевизор, исполнительно продолжая показ праздничной программы, бросал световые блики на лежащий перед Пашкой апельсин.

Конечно, Пашка долгое время как мог боролся с дремотой: тарачил глаза в телевизор, ходил по комнате, щипал себя и порою разговаривал вслух, но даже свой голос, искажённый от страха и усталости, казался чужим и ещё больше пугал его. В конце концов мальчик провалился в одолевшую его спячку так, словно шмякнулся в неглубокую яму, где находиться было неудобно и беспокоило.

Поэтому взволнованный мужской голос, вошедший в зыбкий Пашкин сон, моментально этот сон и разрушил.

— Паша, вставай! Слышишь?

Пашка вскочил, пытаясь уловить, что же его разбудило. Тотчас на улице хлопнули ворота, нечто ударило о стену дома, заставив стёкла большого окна, выходящего во двор, задрожать, и сползло по стене вниз. Раздался женский крик, наполненный болью и ужасом. А ещё крик этот был пронизан какой-то смиренной усталостью, свидетельствующей о скором отказе от борьбы.

— Ма-ма-а! — сквозь мгновенно вскипевшие слёзы заголосил Пашка и выбежал на улицу.

На цепи хрипел Тарзан, яростно скребя снег

лапами, и, становясь на дыбы, пытался порвать сдерживающую его привязь.

Не чувствуя босыми ногами обледенелой дорожки, Пашка помчался туда, где кричала мама, где с ней происходило что-то страшное... Туда, где мама нуждалась в его помощи.

— Ма-ма! — увидев лежащую в снегу мать, срывающимся голосом закричал Пашка.

Мама попыталась поднять голову и что-то ответить сыну разбитыми губами, но, получив очередной удар от Серёни, уткнулась лицом в снег, застонав от боли.

Пашка бросился на Серёню, получил тычок в грудь и отлетел обратно, ударившись затылком о стену.

Звон в голове, стон матери, хрип Тарзана — всё закружилось в Пашкином сознании, и вдруг из этого хаоса возникло решение, словно на ушко подсказанное Пашке разбудившим его голосом.

— Отвяжи собаку!

Пашка бросился к собаке и непослушными пальцами начал расстёгивать на Тарзана ошейник. Пёс наваливался на цепь, вырывая ременный конец из детских рук, и всё же каким-то невероятным усилием Пашке удалось расстегнуть пряжку.

Тарзан на махах преодолел расстояние до обидчика хозяйки и широкой грудью, унаследованной, наверное, от волков сотни лет назад, сшиб Серёню с ног и покатился вместе с ним, сплетаясь в единое, бьющееся не на жизнь, а на смерть существо.

Минуту-другую было трудно понять — кто одолеет. Но постепенно запал у Серёни иссякал, он слабел, и зубы Тарзана всё ближе и ближе клацали у Серёниного горла.

Серёня заревел не хуже зверя и, предприняв чудовищные усилия, с третьей или четвёртой попытки всё-таки освободился от собачьей хватки, затем вскочил на ноги и, преследуемый Тарзаном, ринулся со двора.

Пашка с большим трудом усадил маму, прислонив её к стене дома. Встав перед ней на колени, мальчик принялся снегом стирать кровь с лица матери.

Через некоторое время во двор, ещё шетинясь и рыча, забежал Тарзан. Принюхиваясь к следам на снегу, сделал небольшой круг. Под-

бежав, лизнул Лидухе лицо. Потом — Пашке. Ещё раз и ещё...

— Паша, нужно отвести маму домой, — произнёс всё тот же беспокойный голос.

Пашка обернулся и увидел незнакомца с крыльями, того, что катал его по небу.

Тарзан сначала гавкнул, но тут же успокоился и завопил хвостом.

— Я попробую, — ответил Пашка, — если смогу...

— Сможешь, — подбодрил его ангел. — Я рядом...

И действительно, на удивление, сил у Пашки оказалось достаточно, да и мама, понемногу приходя в себя, всё увереннее переступала ногами.

Так, продвигаясь совместными усилиями, поминутно останавливаясь и отдыхая, подбадривая друг дружку, они вошли в дом и добрались до большой комнаты с наряженной Пашкой ёлочкой, телевизором с веселящимися по ту сторону экрана людьми и горящим тёплым внутренним светом одиноким апельсином.

И только здесь Пашка в изнеможении осел на стул.

Лидухино сердце сжалось от горечи. Она опустила на пол рядом с сыном и осторожно погладила его по голове.

— Паша, золотой ты мой мальчик, мой ненаглядный, — произносила Лидуха ласковые слова, давно забытые и Пашкой, и ей самой, добавляя к ним новые. — Мужчина, защитник мой...

— Мама, — радостно пробормотал мальчуган, пока что смутно осознавая непривычный смысл материнских слов. — Я тебя так ждал... Целый день. Вот ёлка... Апельсин... А Новый год ещё не наступил?

Лидуха глянула на циферблат настенных часов.

— Нет, сынок, — улыбаясь сквозь слёзы, непослушными губами ответила она. — Ещё без четверти двенадцать...

В это же время, потряхивая на весу воздушный поток, густо наполненный причудливо замороженными кристалликами, дежурный ангел планировал над улицей Гоголя, присыпая лёгкими снежинками деревья, дома, дорогу, тропинки, сажевые следы нечистого, кровавые метки растерзанной Лидухи, битое Серёней бутылочное стекло и обрывки его одежды...

А сам Серёня, загнанный Тарзаном в чей-то двор и укрывшийся там за высоким забором, подвывая от лютой боли, пытался приставить на место указательный палец правой руки, перекушенный псом в сочленении второй и третьей фаланги и висящий на тонкой полоске кожи. Ноги не держали его, и Серёня, повалившись в сугроб, так и остался лежать на спине, глядя в недосягаемое небо.

Давно неведомые ему слёзы нашли себе путь и текли по щекам, протачивая дорожки в саже на измазанных щеках. Страдания отрезвили его. И мечущаяся память, колотясь в Серёнино сознание, одну на другую наслаивала чудовищные картины его недавнего сумасбродства. Доподлинно узнавая и одновременно отказываясь принимать себя подобным тому недочеловеку, которого зафиксировала память, Серёня испытывал в глубине своей давно сохшейся души страдания, порою превосходящие его физические муки.

И его тоже щедрой рукой окропил ангел белым снежком.

Всё подвластное и неподвластное человеку, рукотворное и природное, всё уже сыгранное и главные, и эпизодические роли для здешних обитателей укрывала пушистая метелица, словно раны на теле улицы, заживляя снегом то, что вытоптали за минувшие сутки, вычищая там, где намусорили и накурлесили.

И так же, как следы на снегу, по воле ангела заживлялись глубокие рубцы на теле и в душе у Пашки и его матери...

А по двору бегал неугомонный Тарзан. В такую ночь благодати хватило на всех. Возбуждение от боя и опьянение победой постепенно отпускало пса. Судя по всему, он находился в превосходном настроении и развлекался тем, что, клацая клыками, ловил своей розовой собачьей пастью крупные снежинки, плавно летящие с небес.

Позвонил мне недавно друг детства и огорошил с ходу:

— Палыч, да ты, оказывается, лох!

Дружим мы с ним давно — с первого класса — и в шутках друг над другом не церемонимся особо, но в тот момент я всё-таки немножечко напрягся.

— А у тебя информация точная? — спросил от скрытого возмущения почти вкрадчиво.

— Точней не бывает! — ответил дружок радостным голосом и «погнул» свою линию дальше. — Ты уж извини, но факт этот стал достоянием широкой общечеловечности.

— Обидно, — говорю, — что я узнаю такие новости последним!

— Могу источник назвать...

— Сделай одолжение!

— На стене нового автомобильного аршинными буквами против твоей фамилии значится — лох!

А-а, вот откуда ветер дует... Возле автомобильного магазина живёт мой девятилетний сын Арсений со своей матерью и, стало быть, моей бывшей женой. Видимо, дружки его так монументально подшутили.

Забавно, что я получил «чёрную метку», напоминающую вымазанные в старину дёгтем ворота, по касательной, через сына. Как говорится: «сын за отца не отвечает», а отец за сына — в обязательном порядке.

Кстати, и к отцу моему тоже может прилипнуть метка — мы же одна с ним родственная цепочка. Увидит надпись кто-нибудь из его знакомых и позвонит: «Павел Фёдорович, ты что — лох?»

А дальше? Дальше, в смысле цепочки, дед мой и прадед причисляются в нашу «помеченную» семейную компанию? Или нет? Думаю, что по праву старших родичей они, возможно, как-то за нами присматривают с небес. И хоть в настоящее время они — небожители, им, наверное, и на вечном покое не всё равно, когда своих обижают.

Не хотелось бы их подвести...

Деда своего я никогда не видел и прадеда тоже. Хотя отец и возил меня в двухлетнем возрасте к своим родным местам: в село Летниково на берегу речушки Чапаевки, возвеличенной из своей степной простоты слиянием с Волгой. Но ко времени нашего приезда и дед мой Фёдор, и прадед Матвей упокоились под берёзовыми крестами на деревенском погосте. Есть там просторный участок за общей оградкой, где на памятниках значится в основном наша фамилия (та самая, что и на стене автомобильного магазина).

Только сказать, что я совсем не знаю праде-

да Матвея Павловича и деда Фёдора Матвеевича, нельзя — я знаком с ними через своего отца Павла Фёдоровича. Был я ещё мальчишкой, лет пяти-семи, а в те годы отец уже вёл со мной разговоры о наших с ним предках по мужской линии. О том, что никто из них, несмотря на жизнь многотрудную, выпавшую на их долю, не уронил достоинства нашей фамилии. И пусть она, фамилия наша, никакая не дворянская, а самая обычная, каких множество, принадлежащая русской семье поволжских крестьян, всё равно марать её считалось делом самым негодимым. Так, видимо, в семье издавна заведено, от бытности Матвея Павловича, во всяком случае...

Из каких-то обрывочных воспоминаний и впечатлений в сознании часто всплывает придуманное мною, составленное как фоторобот с отцовских слов лицо прадеда: седые длинные волосы, седая же борода лопатой длиною ниже груди, крупный нос — наш, фамильный. И роста высокого, примерно как я (а я в родне отцовской — выше всех, кого знаю). Вижу его напаренного (прадед любил, надев шапку и рукавицы, похлестаться берёзовым веничком), сидящего в остывшем предбаннике в чистом исподнем и пьющего четвёртый, а то и пятый стакан чая с маленьким кусочком сахара вприкуску. Почему-то мне кажется, что чаёк вкушал он из гранёного стакана с металлическим подстаканником, хотя откуда бы в деревне да такая роскошь.

К слову сказать, прадед Матвей промез односельчан на то время выделялся образованностью и начитанностью. Владел он свободно старославянским языком и, когда вошёл в зрелый возраст, помимо дел своих крестьянских, подвизался прирабатывать псаломщиком в сельской церкви. И ещё всю жизнь, пока глаза видели, читал. Причём читал порой такие неожиданные книги, что для села, по всем меркам, значились как не совсем подходящие.

— ...Сидим мы с дедом Матвеем на бережку, — мне, пацану малому, пересказывал отец истории, поведанные ему в его собственном детстве Матвеем Павловичем. — Пескарей удим, а он рассказ свой ведёт: «Вот слушай, Павлик, инженер один, ещё сто лет тому, сле-

лал такую лодку подводную, что могла плавать вокруг света. Ходили оне ватагой на той лодке и в северных морях, и в южных, и везде, где доведётся. И был с ними случай такой: приплыла лодка эта в страну, где жили туземцы — дикие племена. Хотел капитан с туземцами поговорить, что, мол, с добром к ним явились, а те давай стрелами в них метать и копья в капитана и матросов бросать. А лодку подводную, стало быть, захватить захотели. Побежали дикари по трапу, а капитан ток пустил по поручням — туземцы всей оравой в воду и попадали...»

— Пап, — поражённый своей догадкой, перебил я отца, — это же из книжки «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна! Неужели прадед знал этот роман?

— Я тебе передаю всё, как было, — видя мой неподдельный интерес к рассказу, с охотой подхватил отец. — Ты сам и додумай дальше! Это ещё малая часть его познаний. Память у него до глубокой старости была крепкая, и первым делом молитвенное песнопение у него имелось на все чтимые тогда праздники: Рождество, Пасху, Троицу... Голос у деда был не такой сильный, как вот у певцов, скажем, но глубокий и задушевный:

*Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех живот даровав.
Воскресения день, просветимся, людие:
Пасха, Господня Пасха!
От смерти бо к жизни
И от земли к небеси
Христос Бог нас преведе,
Победную поюция.*

Отец, прищурился, почти совсем закрыв глаза, пропевал мне кусочек из пасхального богослужения, и я, воодушевлённый непривычной мелодикой и не совсем понятными словами, успевал увидеть в отце на короткие мгновения совсем другого человека. И он тоже, видимо, ощутив в себе некую искру, продолжал свой рассказ более благостно.

О том, что Библию прадед знал почти наизусть, и о том, как от него же отец про восста-

ние Спартака первый раз в жизни услышал, и про Пугачёвский бунт, о полководцах Суворове и Кутузове, про смуты русские, о Минине и Пожарском, да не перечесть всего.

— Он, вообще, дед мой, а твой прадед, рассказчик был занятный, — говорил отец. — Летом, ладно, детворе не до баек, мы домой-то не загонялись почти, да и война шла, голодно было. Как могли, тогда мы, ребяташки, себя кормили. Каждое утро или на рыбалку шли, или сусликов выливать из нор. Поймаешь суслика, сваришь, разделишь с друзьями и съешь, а шкурку его бежишь сдавать в заготовку и на деньги те конфеты-подушечки к чаю покупаешь. Зимой, конечно, того раздолья нет. Валенки, тем более ботинки для малышни не предусмотрены — это когда ты в школу пошёл, тебе обувь справят, а пока до школы не дорос — сиди на печи. Я к другу своему, Толику, в гости босиком бегал по снегу. Так-то вот. И темнело рано — в доме из освещения только коптилки масляные, керосин берегли как стратегический запас. Такими вот зимними вечерами любили мы с сестрёнкой меньшей, Райкой, залезть к деду на полати и слушать истории, вычитанные им из книг, или сказания о подлинном житье-бытье...

Отец затихал на время, казалось, глубоко уходя в себя, но я, будучи не впервой слушателем его рассказов, понимал, что сейчас, ухватившись за тонкую ниточку заданной темы, он разматывает весь клубок дорогих ему воспоминаний, пополнив мои знания о родичах новыми событиями. Именно пополнив, потому что детская память цепко схватывала и надёжно сохраняла поведенное мне ранее.

Дед мой на фронте находился с первых дней почти, сыновья его старшие тоже воевали — прадед остался за главного из мужиков. На войну его не взяли — по возрасту и по болезням. Прадед к тому времени сдал сильно, из дома не выходил — ноги не слушались. Году в сорок втором он совсем уже ослеп, стал почти беспомощным, многое забывал, путался... Легко, к примеру, поддавался на детские шутки, принимая крошки табака, которые внучата украдкой сыпали ему на бороду, за пронырливых клопов.

— Говорил я тебе, какие мы деду козни строили? — наконец, собравшись с мыслями, не спеша продолжал отец, словно бережно окуная меня в стоячую воду далёкого прошлого. — Ну, конечно... Но даже уличив нас с сестрёнкой в проказах, не злобился и самым сильным ругательством в наш с Райкой адрес было: «Ох вы, проваленные!» А чаще всего дед звал нас по-особому — зайками. Зимние вечера в деревне нередко похожи один на другой. За двойным окошком с намёрзшей ледяной коркой не углядеть ничего, только если дырочку ногтем процарапаешь, увидишь белый как молоко снег в лунном свете. Да и то если ясно в небе. Чаще — темень, метель воет в трубе, подбегая с ближних полей, а может, и не метель вовсе, а волки, стаей промышляющие по окраинам села. Тогда волков было множество несчётное, и тянулись они в холода поближе к жилью в надежде на какую-нибудь поживу. Лезем мы с Райкой к деду на печь, и что нас больше гонит — то ли страх, то ли холод, — неизвестно. «Что, испугались, зайки? — спрашивает дед, слыша, как карабкаемся мы на полати. — Бегите, бегите скорее сюда. Райка, егоза, не оборвись...» А мы с вопросом к нему сразу: «Кто это за оградой воет, деда?» Он отвечает: «Волчки, должно быть... За овцой никак пожаловали. Прогнать-то их некому». Мы дальше с расспросами: «А кто их должен прогнать?» Дед нам разъясняет: «Как кто — мужики, кто же ещё-то! Да только мужиков на селе сейчас и нет никого. Всех война подмела дочиста... Раньше как — в каждой семье и на каждом дворе мужики, да не по одному. А вместе соберутся со всей деревни — вот тебе и коллективное хозяйство. По весне выйдут всей артелью пахать да сеять... Ну, бабы, конечно, тоже в работе. Смотреть любо-дорого. На что хозяйство колхозное большое, и то в полном порядке содержали. Пшеничку (дед так пшеницу именовал) осенью сдавали в область на элеватор да себе в амбар засыпали то, что за трудодни выделено. Хором боярских не имели, но всякий хозяин прокормить мог семью немалую... А нынче что? Война всё перевернула, перепутала. Предсе-

датель колхозный Кузьма Сергеич воюет, сын его Петька воюет... Ох и гармонист же заядлый, этот Петька. Ни одной свадьбы без него не играется и у нас в деревне, и на другом берегу реки в Славинке — тоже. Так вот, с гармонью, он и ушёл. Девки, что холостые, провожали его — пели:

*Брошу косу вдоль покосу,
Я не буду страдовать.
Брошу милого, забуду,
Я не буду тосковать.*

*В поле жала и вязала
Я овёс зелёнький.
Три разка поцеловала,
Мил пошёл весёленький...*

А теперь в деревне без Петькиной гармонии тихо стало. Батька ваш и, стало быть, сын мой Фёдор Матвеевич призван, братки ваши Васька и Митька на фронте. Митьку-то вы провожали и ручонками махали, а Ваську подзабыли, поди, он как призвался в тридцать девятом, так и в отпуске ни разу не был. Васька к войне-то уже офицером был, танкистом. А Митька с учительской должности пошёл и дослужился теперь в войсках до какого-то важного звания по политической части. Вот... Мельник Иван Тюняев и трое сынов его взрослых воюют, и младший сын Витька — тоже на фронт сбежал, хоть и ему всего пятнадцать годов на Покров минуло. Из тракторной бригады да из прицепщиков, почитай, всех до единого война оформила, остались только те, на ком броня райкомовская. Агроном Андрей Егорыч и тот добровольцем вызвался, хоть и возрастом он от моих лет недалёко находится — годков пятнадцать всего. Вы дядю Егорыча всяко помнить должны — родня он нам по матери вашей Варваре Егоровне. Редкий раз Егорыч пряника вам не приносил, когда гостевал у нас. Все, кто крепкие да смышлёные, на фронтах сгодились. И всего-та по деревне осталась только рухлядь старая, навроче меня или Стёпки-конюха хромого. Всё на бабьих плечах теперь, и в поле, и на своём подворье, да на

парнях зелёных... Но ничего, зайки мои милые, сдюжим... Воюют наши землячки, как и положено, по совести. Я этого немца повидал и знаю... Ещё в ту германскую с ним сходились. Злой этот немец, умелый, и на войне он — на своём месте... В окопе — как карась в речке. Что уж греха таить... Одолеть его трудно. Батогом не прогнать, как пса шелудивого. Но наш русский боец, как за дело не шутя возьмётся, немца позлее будет... Не первую войну ломаем. Ещё в стародавние времена в сказе про дружину князя Игоря сложено:

*Заградите острыми стрелами
Ворота на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном
Все за землю Русскую родную...*

Из века в век на землю нашу зарятся... Да только: накося выкуси! А вот как подведём немца вражьева под кутью, так и вернутся до-мой мужички летниковские...»

Видимо, отцу время от времени требовались небольшие продыхы — велик был груз событий из прошлого. Он замолкал, вынимал папироску, стучал мундштуком о коробку и закуривал, с некоторым облегчением выдыхая большие сизые клубы терпкого дыма.

То, о чём рассказывал мне отец, ошутимым смыслом отзывалось в сознании. И я невольно примерял отцовскую житуху на себя. И тёплую печь с ароматом тыквенной каши из духовки, и зимнюю ночь с воем голодных волков, и войну, которая тоже представлялась мне тьмой непроглядной, растворявшей в себе моих кровных сородичей...

— Слушаешь деда Матвея, не переслушаешь, — снова начинал разговор отец, попыхи-вая беломориной. — Сестра Райка, дедова его-за разлюбезная, спит уже давно, а мне интересно всё до последнего слова. Сон не идёт, думы всякие в голову лезут. Я тогда, конечно, ещё маленький был, не понимал, что дед Матвей, ослепнув, потерял всю видимость жизни и перестроиться никак не мог. Уже ведь сорок третий год шёл, а он всё ещё видел перед собой ту картину июля сорок первого, когда му-

жики из деревни на фронт уходили. А за два прошедших года войны и вести разные на село долетали, и похоронки тоже не обошли наше Летниково. Петька-гармонист, сын председателей, погиб в середине октября сорок первого при обороне Москвы под городом Можайском. Сам председатель — ещё раньше, до смерти сына, в августе без вести пропал, когда отступали из-под Смоленска. Да так и не объявился... Сыновья мельника Тюняева воевали в пехоте и как раз зимой той живыми-здоровыми прорывались в осаждённый Ленинград, а отец их, Иван, потерявший правую руку и ногу правую при обороне Севастополя, лечился в госпитале где-то за Уралом. Агроном Андрей Егорыч в сорок втором погиб в уличных боях в Сталинграде и был похоронен в братской могиле на окраине города. Брат Митька, Дмитрий Фёдорович, политрук разведроты, был легко ранен несколько раз, но оставался на передовой. А под Сталинградом получил тяжёлое ранение и едва сумел со смертью разминуться. Три месяца провалялся по госпиталям, а там на ноги поставили, и опять на фронт. Второй брат Василий, которого я действительно помнил смутно, просто как человека в военной форме, не получил к тому времени ни единой царапины, ему ещё только предстояло гореть в танке на Курской дуге. Чего мы не знали тогда и знать не могли, что отец наш Фёдор Матвеевич, попавший в немецкий плен ещё в сорок первом под Вязьмой, из плена бежал. Случаем жив остался и после скитаний по тылам прибился к партизанскому отряду в Полесье. Писем от него мы не получали, но это считалось лучше, чем похоронка, так всё же надежда на чудо теплилась. Как отец вынес плен — уму непостижимо. Видимо, спасло его то, что человек он был физически крепкий и выносливый. На морозе работал: шубу, шапку скинет, рукавицы долой и — только пар от него валит... Наши: отец и Митя, и Вася — словно взаправду с ними чудо случилось, все после войны вернулись домой, настрадавшиеся, израненные, но живые. А так, если на круг брать, получается, что из ушедших на фронт летниковских мужиков уцелел только каждый третий...

Папироска в отцовской руке дотлевала до бумажного мундштука, но он, словно позабыв о ней, продолжал свои воспоминания о детстве, начавшиеся так легко и неожиданно затяжелевшие бременем военных лет.

— Дед Матвей так и продолжал видеть всех деревенских живыми и здоровыми, с руками и ногами целыми, не пораненными. И как он их видел, так им и судьбу предрекал: «Вот вернётся, скажем, председатель с фронта, что он сделает перво-наперво? Конечно, сначала дело наладит по-довоенному. Работы всем будет невпроворот: и трактористам, и самое главное — агроному. Земелька-то частью гуляет, пока что не вся распахана. Пахать все поля колхозные бабы да мужички, какие есть, не успевают. А год-два не посеешь, вот тебе и сорняк сплошняком полез. Всё к прежнему порядку председатель приведёт. А потом сына своего Петьку женит. Иначе Петька сам-то себе невесту не выберет. Где там. С его гармошкой девки за ним гурьбой пойдут, он и растеряется. Ну это вам, зайки, ещё совсем непонятно будет... Мельница сызнова работает. Пообветшала она, конечно, пока без дела стояла, но невелика беда — поправят. А то уже бабам-то опостылело дома жернова крутить. Иван с сынами снова молотъ возьмётся, а будет мука — будет и хлеба вдосталь. Забыли, зайки, поди, как хлебушко белый вкусен? Ничего, ничего, как только мельница пойдёт, будут вам пироги и пышки... Дело-то своё Иван знает и с панталыку его не собьёшь... Ох и сильный мужик этот Иван-мельник, сильнее в деревне нет никого! Один раз два мешка с мукой на загривок себе кидает и несёт ровно пушинку. Или драться затеется, так держите его впятером. Да и про то вам тоже вроде бы ни к чему знать... Стало быть, так... Что я хотел-то, запомнил?.. Ах ты, проваленная!.. Да, вон что: кончим войну, и другие мужики вернутся по домам своим. Тогда, зайки, никакие волки и близко к деревне не подойдут...»

И опять отец на время замолкал и тянул из пачки новую папиросу.

— Как видишь, сынок, — завершал он своё повествование всегда на оптимистичной ноте,

словно подводя под грустными моментами окончательную жирную черту. — В общем-то, дед Матвей прав был. Не все, конечно, вернулись, как он обещал, но победить — победили! А победа — она общая: и тех, кто в землю лёг, и тех, кто живым остался...

Таким вот образом, через подробные рассказы, которые я сначала просто терпеливо выслушивал, а затем по мере взросления всё с большим и большим интересом воспринимал, любовь и уважение отца к нашим предкам передались в свою очередь и мне. Оттого, видимо, к неизвестным мною в жизни деду Фёдору Матвеевичу и прадеду Матвею Павловичу я чувствую тепло и нежность, словно крепкие душевные нити всегда были протянуты нами друг другу.

Отец говорил, что с Матвеем Павловичем мы доподлинно похожи и внешне, и по внутренней природе своей. Надеюсь, что так оно и есть. И думаю, лучше всего подтверждает отцовское мнение то, что мы с прадедом носим единое отчество...

Отчество и Отечество — слова родственные не по корню, а по крови. И пока будет мужицкая сила духа, сила пахаря, воина, строителя передаваться вместе с Отчеством от отца к сыну и далее — выстоит Отечество в любой беде.

Говорить о подобных вещах не принято, вот так громко, на душевном подъёме. А думать и чувствовать — да кто же запретит?

Да и не я про Отчество и Отечество додумался первым. Давно, до меня о том знали.

Но ведь не так уж важно, кто такое откроет раньше всех, главное — чтобы сердцем эту нужную правду суметь ощутить.

Приходит то чувство не сразу, не ранее того момента, как сам из мальчишки вырастаешь и своего сына на руках первый раз убаюкаешь.

Не ранее...

Но именно тогда понимаешь, что ты не последний в этой цепочке. И то разумеешь, что: «сын за отца не отвечает», а отец за сына — в обязательном порядке.

Отец за сына... Конечно! И прав оказался друг мой школьный, метя пальцем в небо, угодил он в самую десятку.

Да, видимо, я и есть тот самый лох. Во всяком случае, непозволительно приблизился я к этому непочётному званию, потому как, завязнув в долгих бракоразводных дрызгах и в сердцах выбросив из памяти дорогу к своему бывшему дому, чуть было не упустил от себя сына, чуть было не упустил...

Прости, Арсений... Сеня, сыночек мой маленький. Теперь настал мой черёд поведать тебе о кровных предках твоих, чтобы мог ты почувствовать нашу общую фамилию как некую приятно тяжелящую ношу на плечах.

И хоть фамилия наша никакая не дворянская, но и терпеть то, как её «полоскают» на заборе, — тоже не годится.

Так, Арсений?

Так, только так и не иначе...

Ничего, сынок, постепенно ты во всё вникнешь, чуток подрасти только. Да и девять лет — возраст уже вполне ответственный, значит — мотай на ус. А что пока не поймёшь, просто запомни, прими как есть.

Понимание — оно придёт позже.

Ты мне поверь!

Для того чтобы не возомнить себя живущим на этой земле с чистого листа, не беря во внимание дорожку, протоптанную дедом, и прадедом, и прапрадедом тоже...

И у нас с тобой имеется очень правильное знание, чтобы поставить и укрепить твою веру в истинную суть простых вещей, — это немудрёная, крепко настоящая на многовековом опыте философия жизни моего прадеда, а твоего прапрадеда Матвея Павловича, иначе говоря, личное наше Евангелие от Матвея.

□

Валерий Павлович КОПНИНОВ

родился в 1963 году в Барнауле.

По образованию — театральный режиссёр.

Окончил Российскую академию театрального искусства (ГИТИС).

Член Союза театральных деятелей.

В настоящее время — режиссёр телевидения.

*В 2015 году участвовал в Межрегиональном семинаре
молодых литераторов Сибири.*

Публиковался в журнале «Фантастическая среда».

Лауреат Всероссийского молодёжного театрального фестиваля

им. В.С. Золотухина в конкурсе драматургов

«Авторская сцена Алтай».

В журнале «Север» публикуется впервые.

